

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 12-го Сентября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10089.

На рисовомъ полѣ.

Аннамитская сказка. Myriam Harry.

(Съ французского)

Безконечно тянулось рисовое поле, точно огромная развернутая скатерть изъ драгоценной зеленой ткани всевозможныхъ оттѣнковъ. Тамъ, гдѣ рисъ не былъ еще пересаженъ, лежалъ блѣдно-зеленый бархатъ. Дальше, гдѣ блестѣла вода между рѣдко разсаженными стеблями, виднѣлся зеленый атласъ. Еще дальше, гдѣ рисъ уже началъ колоситься, кто то какъ будто растянулъ китайскій крепъ изумруднаго цвѣта.

И теперь, весной, все это придавало необыкновенно свѣжий и веселый видъ землѣ Аннама—землѣ черной, илистой и изнуренной. Въ другое время года она была похожа на старуху, сморщенную отъ усталости.

Въ Тау-Докѣ рисовая поля блестѣли и зеленѣли сильнѣе, чѣмъ, гдѣ бы то ни было.

Старики и старухи сидятъ теперь дома въ своихъ соломенныхъ хижинахъ и отдыхаютъ отъ тяжелыхъ работъ. А молодежь отправляется стеречь рисовые поля и оберегать ихъ отъ воровъ, буйволовъ, хищныхъ птицъ и, въ особенности, отъ дьявола и всякихъ другихъ злыхъ духовъ. Для борьбы со всѣми этими непрѣятельскими набѣ-

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна

въ одѣяніи настоятельницы Марео-Маринской общины.

на это время: немного рису, немного чаю, сухой рыбы, бамбуковую цыновку и фарфоровую подушку.

И разъ ужъ кто взобрался на эту высокую сторожку, тотъ не имѣеть права оттуда спуститься. Прежде всего потому, что можно испортить посѣвъ, а затѣмъ потому, что аннамиты вообще любятъ дѣлать испытанія своей выносливости и терпѣнію. Очень часто посылаютъ въ такія сторожки жениха и невѣсту, чтобы провѣрить, насколько они нравственны. Ихъ помѣщаются въ отдѣльные „мирадоры“, и, если по истеченіи времени ихъ плѣненія не будетъ найдено ни слѣдовъ ногъ на рисовомъ полѣ, ни сломанныхъ рисовыхъ стеблей, ихъ имена помѣщаются на золотой доскѣ въ пагодѣ, а свадебные расходы деревня беретъ на себя.

Ти Тамъ и Най знали другъ друга съ дѣтства.. они пасли вмѣстѣ буйволовъ. Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, а ей исполнилось шестнадцать, передъ алтаремъ наиболѣе чтимыхъ предковъ было объявлено о ихъ помолвкѣ. Свадѣбу было рѣшено отпраздновать послѣ уборки риса. А покуда ихъ послали сторожить поля.

Ти Тамъ съ стѣсненнымъ сердцемъ взошла на свое возвышеніе. Наю позволили отнести ея скучный багажъ. Прощаясь, Най нѣжно притронулся кончикомъ своего носа къ носу Ти Тамъ. Онъ ушелъ къ своему „мирадору“, стоявшему на разстояніи ста шаговъ отъ того, гдѣ была Ти Тамъ.

Она никогда еще не стерегла рисо-

ваго поля и никогда еще не разставалась съ Наемъ на цѣлыхъ шесть недѣль. Съ грустью смотрѣла она вслѣдъ своему удалявшемуся жениху: вотъ онъ перешелъ поле, вотъ онъ взошелъ на площадку своей сторожки.

Ахъ, какъ хорошо было бы стеречь вмѣстѣ рисовое поле, вдвоемъ любоваться его блестящей свѣжей зеленью!

Чтобы разсѣять немного свое горе, Ти Тамъ занялась приведеніемъ въ порядокъ своего кукольного хозяйства: она поставила маленькую печечку, вынула чайныя чашки величиною съ наперстокъ, такія же блюдечки и длинныя деревянныя лакированныя палочки, которыми у аннамитовъ принято ъсть рисъ. А на маленькой алтарѣ она поставила изображеніе богини Луны, покровительницы влюбленныхъ.

Немного устроившись, она принялась за єду: выпила молоко изъ кокосового орѣха и съѣла бананъ, сорванный съ дерева, который они посадили когда то вмѣстѣ съ Наемъ.

Наступила ночь. Ти-тамъ зажгла фонарь, сдѣланній изъ рыбьяго пузыря, и повѣсила его на длинную палку. На другомъ шестѣ она привязала маленькую корзиночку съ золотой бумагой и съ сладкимъ печеньемъ изъ рисовой муки. Этимъ нужно было откупиться отъ дьявола и отъ его пристѣшниковъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ себя и отъ молодыхъ всходовъ риса.

М. Г. Крокасъ.

бухгалтеръ харьковскаго городскаго купеческаго банка. По случаю 40-лѣтія служенія его въ банкѣ.

Вдали она увидѣла другой фонарь. Онъ то опускался внизъ, то подымался вверхъ, точно посылая ей поклоны,—это ей кланялся ея женихъ. Прочитавъ „чинъ-чинъ“ богинѣ Лунѣ, она легла на цыновку, тоскливо вздыхая, и заснула. Подъ голову она по-

Ф. А. Пушечниковъ,

частный поверенный по судебнѣмъ дѣламъ.

Скончался 6 августа.

гами, аннамиты строятъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга узкія башенки изъ бамбука съ площадкой на верху. Туда взираются по веревочной лѣстницѣ и живутъ тамъ отъ четырехъ до шести недѣль, вплоть до самой жатвы. Каждый приноситъ съ собой все, что ему нужно для жизни

Артисты Харьковского оперного театра. Сезонъ 1910—1911 годовъ.

К. А. Бельмась.

А. И. Горина.

Д. Ф. Лазарева.

С. М. Акимовъ.

В. М. Даниловъ.

М. И. Донецъ.

О. И. Монска.

З. Б. Ратмирова.

А. М. Пасхалова.

В. И. Лазаревъ.

Б. Э. Махинъ.

А. М. Пазовскій.

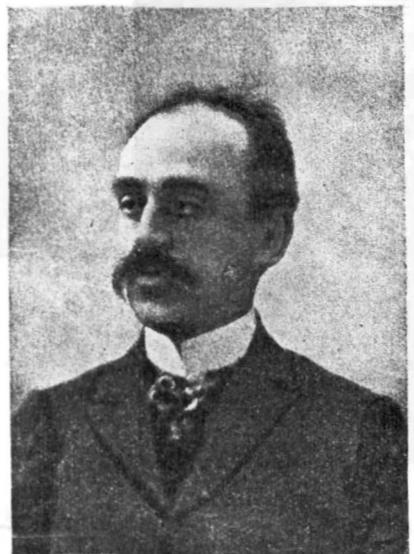
Ю. А. Спѣшнева.

П. В. Сунцовъ.

Д. М. Яфлавскій.

Н. М. Энгель-Кронъ.

М. М. Энгель-Кронъ.

ложила фарфоровую подушку—нужно было сберечь прическу, такъ какъ новую она могла сдѣлать только по возвращеніи въ деревню.

И вдругъ она проснулась. Подъ сваями сторожки она услышала какой то ужасный и страшный шумъ. А вокругъ, въ полѣ, кто-то прыгалъ, кто-

то кричалъ. Черные, огромные привидѣнія носились въ воздухѣ. Раздались зловѣщіе крики жабы буйвола. Золотые бумажки разлетѣлись по воздуху, очевидно, дьяволья пренебрѣгъ жертвой Ти-Тамъ. Она дрожала отъ страха, она боялась, чтобы онъ не унесъ ее съ собой. Ахъ, какой одинокой чув-

ствовала она себя среди этого болота! Какъ таинственно и страшно было здѣсь!

Но что это? Какие нѣжные и тихіе звуки! Это женихъ ея заигралъ на флейтѣ изъ бамбука: музыка напоминала ей его ласковыя объятія. Онъ игралъ ей эту грустную пѣснь любви

и дома, тамъ, въ деревнѣ. Она слушала, и ей становилось легче, не такъ ужъ страшно.

Ти Тамъ сѣла на цыновку, взяла въ руки лютню и стала перебирать струны. Онъ запѣли навстрѣчу другъ другу, ихъ длинные хвосты сплетались вмѣстѣ, они срывались съ веревокъ и падали

на изумрудный коверъ, обвиваясь одинъ вокругъ другого.

Въ началѣ второго мѣсяца Ти-Тамъ начала сильно тосковать—она ничего не могла есть, ничего не могла пить, а ночью ею овладѣвалъ такой ужасный страхъ, что даже и музыка жениха не могла ее успокоить. Она ясно

слышала, какъ злые духи съ дьяволомъ во главѣ носились надъ ея сторожевой будкой и задѣвали ее своими крыльями.

— О Най, Най! пла-
кала Ти-Тамъ, про-
стирая къ нему свои
руки.

И, несмотря на
страхъ, ей хотѣлось
броситься внизъ и бѣ-
жать, бѣжать черезъ
поле, туда, гдѣ нѣжно
играла флейта и при-
зывала ее къ себѣ. Но
гордость, присущая
аннамитскимъ дѣвуш-
камъ, удерживала ее
въ ея воздушной
тюрьмѣ.

Что скажутъ по-
ченные жители дѣ-
ревни, если замѣтятъ
слѣды ногъ на рисо-
вомъ полѣ? Тогда ея
имя не будетъ запи-
сано на золотой дос-
кѣ въ пагодѣ.

Каждую ночь ее му-
чила и терзала ужасная болот-
ная лихорадка. Она то обжи-
гала ее, какъ будто горячими
поцѣлуями, то скимала въ ле-
дяныхъ объятіяхъ.

По утрамъ она собирала
свои послѣднія силы, чтобы
пустить змѣй. Онъ былъ тѣ-
перь такой жалкій: какъ то
метался изъ стороны въ сторо-
ну, не пугалъ даже птицъ и не
летѣлъ навстрѣчу змѣю Ная.

А ночью, въ отвѣтъ на пѣ-
ніе флейты, она могла только
дергать басовую струну лютни
пальцемъ своей маленькой
ножки. И струна эта все пла-
кала, плакала... такъ жалобно.

И вотъ настало такое утро,
когда Ти-Тамъ совсѣмъ уже не
могла встать. Ночью она сосчи-
тала, сколько разъ прокричала
жаба-буйволъ, и поняла, что
животное предвѣщаетъ ей
смерть. Ти-Тамъ задрожала.
Умереть и не увидѣть Ная! Не
прикоснуться своей щекой къ
его щекѣ!..

Вдругъ она почувствовала
себя такъ легко, какъ будто
она освободилась отъ собствен-
наго тѣла. Ей казалось, что
она летить туда, откуда нес-
лись чудные звуки, летить къ
своему милому. Кругомъ такъ
свѣтло, луна такъ ярко свѣ-
тить, а богиня—покровитель-
ница влюбленныхъ—такъ ра-
достно ей улыбается. Но что
это значитъ? Луна, блѣдная,
большая, опускается все ниже,
ниже... она становится похожа
на длинный хвостъ летучаго змѣя....
она летить съ неба... она принимаетъ
образъ ея жениха... Ти тамъ чувствуетъ
Ная на своемъ дрожащемъ тѣлѣ...
его уста прильнули къ ея помертвѣвшимъ устамъ... Ти-Тамъ закрываетъ
глаза. Она слышитъ упоительную, чуд-

Чайная плантация близъ Батума.

Эвкалиптусы въ Батумѣ.

ную музыку... она слышитъ, какъ все
кругомъ поетъ ей торжественную эпи-
таламу.

Два дня спустя деревенскіе старѣ-
шины пришли освобождать жениха и
невѣstu, сторожившихъ рѣсъ. На пло-

щадкѣ „мирадора“
Ти-Тамъ они нашли
только ея трупъ. На
лицѣ дѣвушки было
выраженіе счастья.
Она лежала, прикры-
тая змѣемъ, на кото-
ромъ китайскими чер-
нилами было нарисо-
вано лицо Ная.

Онъ прибѣжалъ въ
полномъ отчаяніи.
Обливаясь слезами,
онъ рассказалъ, какъ
онъ видѣлъ, когда фо-
нарь его невѣсты пе-
ресталъ горѣть. Онъ
догадался, что она
больна, и поэтому онъ
послалъ ей змѣй, на
которомъ нарисовалъ
самого себя, чтобы
хоть изображеніе его
было съ ней вмѣстѣ.
И этотъ змѣй охра-
нялъ ее отъ жгучихъ
лучей солнца и отъ
нападенія птицъ.

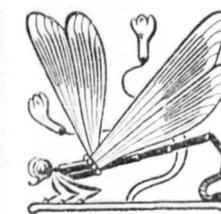
Всѣ поражались
стойкости дѣвочки,
умершей отъ тоски по
своемъ возлюбленномъ. И ея
имя записали на золотой доскѣ
въ пагодѣ.

Най похоронилъ Ти-Тамъ
около ея „мирадора“.

Когда былъ готовъ могиль-
ный холмъ, онъ воткнулъ два
шеста и повѣсили змѣй, на ко-
торомъ было нарисовано его
лицо китайскими чернилами.
Тутъ же онъ прикрепилъ флей-
ту изъ бамбука. И, когда вѣ-
теръ проносился надъ рисо-
вымъ полемъ, флейта начинала
плакать.

А Ти-Тамъ лежала въ моги-
лѣ и слушала эти пѣсни страданія...

Пер. Л. Д—чъ.

ЦИНКОГРАФІЯ
„Южнаго Края“!

Харьковъ. Сумская, 13.

принимаетъ заказы на всевоз-
можного рода клише.